

Предлагаем вниманию читателей новую экспериментальную рубрику в альманахе «Менестрель» – «Общество анонимных поэтов».

Наша новая рубрика – это небольшой поэтический маскарад. В каждом выпуске издания будут публиковаться стихи поэтов, участвующих в данном номере, без указания имён авторов. Именитые писатели в этих анонимных подборках перемешаются с начинающими, традиционалисты – с авангардистами, столичные авторы – с провинциальными и зарубежными.

После подборки будут публиковаться критические тексты, в которых произведётся анализ этих стихов с разных эстетических и жизненных позиций. А вот кто участвовал в анонимной подборке – не будут знать ни авторы критических статей, ни читатели «Менестреля». Имена авторов подборки будут открыты только в следующем выпуске. Вот такая литературная игра, достаточно острая и провокационная.

Надеемся, что новая рубрика вызовет интерес у поэтов и читателей нашего издания.

КОНЕЧНО ЖЕ, ЭТО ВСЕРЬЁЗ...

(Подборка анонимной поэзии)

1 ВЕЧЕР

Через моё сердце прошёл поезд,
Но потом в груди забилась колокольчиком музика.
Чем были ударные?
Это ритмично стучали
О скорлупу моего пустого головного ореха.
А гитара играла перед самым лицом
В звёздной тишине.
Пел не Гребенщиков,
А почему-то я сам.
Выключил музыку,
И всё заменила терпкая смола Евангелия.
Теперь горе станет хорошим снотворным.
Я отдохну, как земля.
И природа на мне отдохнёт.

2

Машины – вдоль тротуара. Парковка по берегам мёртвой реки, чья юдоль – бега, бега, бега – скрежет и сизый дым.
Город – встаёт над солнцем, позже – солнце встаёт над ним.
Нам же – внутри – остаётся отмечать дни недели уже бледным маркером или просто – карандашом, что для дела летописца аккуратного даже более чем уместен – дерево в «Повести временных лет» было как камень для текста скрижалей, как монумент топорной работе – и сегодня в нём – древко стрелы.
Кошка греется на капоте – пока кони под ним теплы.

Эта улица – носит свой панцирь на манер виноградной улитки – будто перстень на пальце, окунаемом в жидкий кисель квартала на поминках или крестинах.
Перекованный на орало – меч висит над Дамоклом в гостиной и царапает кончиком темя – нераспаханный грубый суглинок, из которого слеплено и всё наше тело – до последних на донце чайнок...

Город – выполнил роль статиста.
Снова с гиканьем оживились кулисы, и механика коллективного сердца запустила по кругу кровь, находя в горячем процессе упоение спорной игрой.
Шаг – прочерчен, и форма – дала фору.
Человечек – хочет звучать хором...

3 КОЛИЧЕСТВЕННОЙ СОЮЗНОСТИ

Не верю в ложь.
Не верю в мир сорочьих гнёзд, в их сизоклювость, даже сизоротость (кому как нравится), я слишком долго рос, чтоб дифирамбы петь уродству.
Не верю в стыд, когда он – на тираж, когда задавлен голос в межстраничье и обречен торжественно, в анфас, на пустоту одним из видных, но косноязычным.
О, сколько их, умеющих в сезон, в короткий век застопорить шаблонно и мысли бег, и кружево времён,

и резкий смех рыдающей валторны!

Табу на них:
любителей халяв и грубых вин,
заливших разум самолюбованьем!
Я отвергаю гнучность спин,
как способ выправить сознание;
не верю в девственность затей,
глумлюсь над правдой карамельной...
но как же трудно Прометей,
как бесконечно Прометей,
как безысходно Прометей
несёт огонь на эту землю!

4
* * *

Конечно же, это всерьёз –
Поскольку разлука не в силах
Решить неизбежный вопрос
О жизни, бушующей в жилах,
Поскольку страданию дано
Упрямитесь слишком наивно,
Хоть прихоть известна давно
И горечь его неизбежна.

Конечно же, это для вас –
Дождя назревающий выдох,
И вход в эту хмарь без прикрас,
И память о прежних обидах,
И холод из лет под хмельком,
Привычно скребущий по коже,
И всё, что застыло молчком,
Само на себя непохоже.

Конечно же, это разлад
Со смутой, готовящей, щерясь,
Для всех без разбора, подряд,
Подспудную морось и ересь,
Ещё бестолковей, верней –
Паскуднее той, предыдущей,
Гнетущей, как ржавь, без корней,
Уже никуда не ведущей.

Конечно же, это исход
Оттуда, из гиблого края,
Где пущены были в расход
Гуртом обитатели рая, –
Но тем, кто смогли уцелеть,
В невзгодах души не теряя,
Придётся намаяться впредь,
В ненастных огнях не сгорая.

5 Заеды

Говоришь, недельная борода
от напрасной горечи губы рвёт,
так заеды лечатся – ерунда,
что от боли сжался в гримасе рот.
Голоса на пристани – ветерки –
наматывают быстро в клубок слова,
лишь бы руки встретились – не с руки
расходиться было и горевать.

Далеко до встречи кисьель цедить,
протянувшись – к завтра – ремни недель.
Хоронись от выбора, чтобы жить,
неуютно прячась в семью и хмель.

...А в приморском городе кирпичи
от природной сырости взрыты мхом,
и соседка ушлая верещит:
Не грусти, кудрявая, поделом!
Ты рыдаешь: Что ему? – виноват.
Из тебя рутина канаты вьёт.
Через год, – ты шепчешь. Потом – назад.
Только дольше вечности длится год!
Постучится осень клинком в окно,
скосочит волосы на излом,
но не зря же городу – всё равно,
а живущим в городе – всё в облом.
Парадокс, не правда ли? Времена
отказались вовремя от чернил.

Тихо плачет женщина у окна.

Горько плачет пьяница у перил.

6

Магию и белую, и чёрную
Я, известно где, видал и в чём...
Не люблю я мишуру кручёную,
Смысл в которой высший заключён.

Всё одно – проказник ли, проказница,
Глупый князь ли, жулик ли плебей,
Ловкость рук, внушение – мне без разницы...
Ну, не интересно – хоть убей.

А уж эти... предсказатели... астрологи
И, тем более, скучны мне и чужды:
Ближних дней своих я вижу всполохи,
Ну, а дальше мне вовсе без нужды.

Но и я таю мечту заветную,
Я иною тайной увлечён:
Магию другую... разноцветную...
Я вам не открою нипочём.

7

Ревность

Ревность, стерва подколодная,
Не вздохнуть и не уснуть.
Что ж ты лапами холодными
Так мою сдавила грудь?

В черепной коробке мечется
Горьких мыслей чёрный дым.
Наплевать на человечество,
Если милая с другим.

Зло таращится из зеркала
Рожь, мерзкая на вид...

Как, однако, нас коверкает
На развалинах любви.

воздуха в квартире становится мало.
выбегаешь в осень мокрую, бешеную.

у потолка замызганного вокзала
жёлтая лампочка болтается, как повешенный.
и свет её – тощенький,
словно матрас в бараке,
а другого света и нет, кроме этого.
и выходишь к поезду цвета хаки,
сигарету сжав в губах фиолетовых,
и пустота, обитающая в тебе,
метастазами вгрызлась тебе в хребет.

и ты говоришь:
господи!
я ведь живой,
посмотри, из меня растёт золотой цветок!

а тебе в ответ, конечно же, ничего,
словно вышел из кабинета бог.
вышел покурить, и щёлкает зажигалкой,
под дождём и осенью стоит, потерянный,
и тоскливо ему, и каждого жалко.

справа вот стоит он, в курточке серенькой.

Лавируя, но попадая в лужи,
бежит куда-то бодрый пешеход.
А в деревьях – малинов свист пичужий!
А в небесах свершается восход!

Величье и неспешность есть в природе.
А человек – и суетлив, и мал –
всё тычет в мир, как пёс лохматой мордой,
чтоб кто-то накормил и приласкал.

Он так уверен, что кому-то нужен,
что, пробегая сторбленным мостом,
щенком весёлым шлёпает по лужам,
вертя своим доверчивым хвостом.